

Заслуженный участник национальной милиции СССР, капитан милиции А. Федоров имеет самые высокие показатели в Тальменском РОВД по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Мы попросили Анатолия Апполинаревича рассказать о том, как ему удалось найти подход к человеку, побудить его здуматься о своей жизни, стать добровольным тружеником, хором семьянином.

Из-за массы дел, которые, начиная с утра, нарастают, как снежный ком, я смог подойти только к концу собрания. Все, кроме одного, приветствуя меня, встали. И только Бедарев сидел, развалившись, как ни в чем не бывало. Я всегда отличался уравновешенным характером, но это демонстративное пренебрежение к установленному нами порядку не могло меня не задеть.

— Бедарев, добрый день!

На секунду я перехватил его взгляд, расхлябан в нем не было. А тут еще одна малоприятная новость. Привели меня к себе начальник уголовного розыска. Оказалось, что из цеха украшена бензопила «Дружба». Преступники пытались продать ее пенсионеру. Одни из задержанных утверждал, что наливал его на пех за слаки водки не кто иной, как Бедарев. Тот же все отрицал. Улик против него не было. Знак

— себя губить». Я не сомневался, что это все — вина Бедарева, и что я невольно включил в конфликт, за которым следит вся группа подопечных. Однако понимал: нужно немедленно прекратить этот поединок, наладить нормальные отношения в группе.

А он продолжал пытствовать, пакости с каждым днем становились все извращеннее. И же собирали бумаги по каждому поводу: посыпали ли он с соседом, посыпал ли в общественном месте пылью. И когда фактов собралось достаточно, положил на стол начальнику отдела с заключением о направлении Бедарева в ЛТП.

Вечером за меня на работу зашла жена, и мы вместе пошли домой. В подъезде я долго рылся в карманах, отыскивая ключ от почтового ящика, национец, нашел. Из ящика выпал вчетверо склоненный тетрадный листок. Жена подняла его, развернула и ахнула. Я заглянул туда: «Капитан, вот что тебе будет». Под кривыми, насмех написанными буквами был нарисован череп со скрещенными костями.

— Наверное, твой Бедарев, — поделилась мыслями жена. И совсем растерялась, когда увидела на моем лице вместо возмущения я глядел — улыбку.

Бедарев угрожает, подумал я, значит, задет за живое. Он пытается пугать меня, потому что сам боится. Но чего?

Ясно же чего. — ЛТП. Получается, что ему не хочется расставаться с трудовым коллектиком, общечеловеческим, где он сейчас работает и живет!

Как ни странно, но неделя угрозы помогла мне прорвать. Впервые появился ведь я имел дело с запутанными, не верившим в добро человеком. Я попытался представить себе, что испытывал Бедарев, когда бросал в почтовый ящик записку: боялся, ненавидел.

Из заседания совета общественности Бедарев смотрел на меня волком, ждет наказания. А я дерусь так, как будто ничего не произошло.

Все с удовольствием пришли решение о снятии с учета тех троих, которые со старанием работали на производство и прекратили пытаться. Смотри — напряжение в лице Бедарева спало. Раз даже улыбнулся. Лед тронулся.

— С почты мы — старались оправдываться хозяину, — сказала мне потом начальник цеха формовки.

— Не лидер — а лодыри, — возмутился я и услышал в ответ:

— Это как сказать! Давно за них наблюдала. Способный парень. Заходит — все сможет. Лучшим работником может стать.

Замечание опытного руководителя заставило меня предумышлять. Шли дни, Бедарев обходил меня стороной.

Однажды в конце недели около моего кабинета столпилось много народа. Подошел Бедарев. Кто-то нарочно удалился.

— Да что вы на него налегаете? У него одно на уме — как заставить вас больше спити гнуть!

Наступила тишина. Я почувствовал, что краснею, и обернулся. Стоит этот Бедарев, на лице наглая ухмылка.

— Что ж, без общественно полезного труда не выйдешь — не гляди на него, отрезал я.

На следующий день на утренней плакатке в рабочем зале, стояло мне произнести фамилию Бедарева, как на лице сотрудников появилась гримаса, словно от аубийной боли.

Бедаревым многие инспекторы РОВД были недовольны. Но я не сдавалась, предложил рассмотреть поведение Бедарева на совете общественности в пункте охраны правопорядка.

Пропесчали мы Бедарева основательно. Он помадничал, и трудно было понять, что делалось в его душе. Может, он посмеивался над нами?

Через неделю в зале слова собирали всех подопечных. Повестка дня была короткой: «Подготовка проведения схода граждан». Докладывал взвешенный сотрудник ми-

Он нехотя встал и ушел в задние ряды.

— Непривычный лидер, — сказал мне потом начальник цеха формовки.

— Не лидер — а лодыри, — возмутился я и услышал в ответ:

— Это как сказать! Давно за них наблюдала. Способный парень. Заходит — все сможет. Лучшим работником может стать.

Замечание опытного руководителя заставило меня предумышлять. Шли дни, Бедарев обходил меня стороной.

Однажды в конце недели около моего кабинета столпилось много народа. Подошел Бедарев. Кто-то нарочно удалился.

— Да что вы на него налегаете? У него одно на уме — как заставить вас больше спити гнуть!

Наступила тишина. Я почувствовал, что краснею, и обернулся. Стоит этот Бедарев, на лице наглая ухмылка.

— Что ж, без общественно полезного труда не выйдешь — не гляди на него, отрезал я.

На следующий день на утренней плакатке в рабочем зале, стояло мне произнести фамилию Бедарева, как на лице сотрудников появилась гримаса, словно от аубийной боли.

Бедаревым многие инспекторы РОВД были недовольны. Но я не сдавалась, предложил рассмотреть поведение Бедарева на совете общественности в пункте охраны правопорядка.

Пропесчали мы Бедарева основательно. Он помадничал, и трудно было понять, что делалось в его душе. Может, он посмеивался над нами?

Через неделю в зале слова собирали всех подопечных. Повестка дня была короткой: «Подготовка проведения схода граждан». Докладывал взвешенный сотрудник ми-

приверженность Бедарева к привычному, некоторые наши сотрудники во избежание еще больших неприятностей сошлись мнением послать его в ЛТП. Но я все откладывал. Решив побыть у Бедарева дома. Благо, родители жили в Барнауле.

На звонок вышел его пыльный отчим, из-за спин которого выглядела явно подвыпившая женщина, неопрятная, взлохмаченная. Оказалось — это Михаил Бедарев.

— С почты мы — старались оправдываться хозяину, — сказала мне Николая правильно однажды в почтовый ящик записку: боялся, ненавидел, страдал.

Так я и ушел ни с чем.

— Напрасно ходите, Анатолий Апполинаревич, — сказал через несколько дней Бедарев. — Разве для «агаски»?

Делайтесь вам некуда, — так что отправляйте-ка вы меня в ЛТП.

Все засмеялись. Бедарев весь побагровел, круто развернулся:

— Иди ты знаешь куда, — сплюнулся он со злостью.

Больные у своего кабинета, — я его не видел.

Подошел он ко мне в цехе, когда вокруг никого не было.

— Извините, — сказала Буркун.

— Да что вы на него налегаете? У него одно на уме — как заставить вас больше спити гнуть!

Бедарев весь побагровел, круто развернулся:

— Иди ты знаешь куда, — сплюнулся он со злостью.

Только действовал он теперь хитрее, глубже. Но почему-то не было грубости не говорил.

Поверьте, я очень рад, что это один человек нашел в себе.

Рассказ участкового инспектора А. Федорова записал С. ВАСИЛЬЕВ.

— Да что вы на него налегаете? У него одно на уме — как заставить вас больше спити гнуть!

Бедарев весь побагровел, круто развернулся:

— Иди ты знаешь куда, — сплюнулся он со злостью.

Только действовал он теперь хитрее, глубже.

Больные у своего кабинета, — я его не видел.

Подошел он ко мне в цехе, когда вокруг никого не было.

— Извините, — сказала Буркун.

— Да что вы на него налегаете? У него одно на уме — как заставить вас больше спити гнуть!

Бедарев весь побагровел, круто развернулся:

— Иди ты знаешь куда, — сплюнулся он со злостью.

Только действовал он теперь хитрее, глубже.

Больные у своего кабинета, — я его не видел.

Подошел он ко мне в цехе, когда вокруг никого не было.

— Извините, — сказала Буркун.

— Да что вы на него налегаете? У него одно на уме — как заставить вас больше спити гнуть!

Бедарев весь побагровел, круто развернулся:

— Иди ты знаешь куда, — сплюнулся он со злостью.

Только действовал он теперь хитрее, глубже.

Больные у своего кабинета, — я его не видел.

Подошел он ко мне в цехе, когда вокруг никого не было.

— Извините, — сказала Буркун.

— Да что вы на него налегаете? У него одно на уме — как заставить вас больше спити гнуть!

Бедарев весь побагровел, круто развернулся:

— Иди ты знаешь куда, — сплюнулся он со злостью.

Только действовал он теперь хитрее, глубже.

Больные у своего кабинета, — я его не видел.

Подошел он ко мне в цехе, когда вокруг никого не было.

— Извините, — сказала Буркун.

— Да что вы на него налегаете? У него одно на уме — как заставить вас больше спити гнуть!

Бедарев весь побагровел, круто развернулся:

— Иди ты знаешь куда, — сплюнулся он со злостью.

Только действовал он теперь хитрее, глубже.

Больные у своего кабинета, — я его не видел.

Подошел он ко мне в цехе, когда вокруг никого не было.

— Извините, — сказала Буркун.

— Да что вы на него налегаете? У него одно на уме — как заставить вас больше спити гнуть!

Бедарев весь побагровел, круто развернулся:

— Иди ты знаешь куда, — сплюнулся он со злостью.

Только действовал он теперь хитрее, глубже.

Больные у своего кабинета, — я его не видел.

Подошел он ко мне в цехе, когда вокруг никого не было.

— Извините, — сказала Буркун.

— Да что вы на него налегаете? У него одно на уме — как заставить вас больше спити гнуть!

Бедарев весь побагровел, круто развернулся:

— Иди ты знаешь куда, — сплюнулся он со злостью.

Только действовал он теперь хитрее, глубже.

Больные у своего кабинета, — я его не видел.

Подошел он ко мне в цехе, когда вокруг никого не было.

— Извините, — сказала Буркун.

— Да что вы на него налегаете? У него одно на уме — как заставить вас больше спити гнуть!

Бедарев весь побагровел, круто развернулся:

— Иди ты знаешь куда, — сплюнулся он со злостью.

Только действовал он теперь хитрее, глубже.

Больные у своего кабинета, — я его не видел.

Подошел он ко мне в цехе, когда вокруг никого не было.

— Извините, — сказала Буркун.

— Да что вы на него налегаете? У него одно на уме — как заставить вас больше спити гнуть!

Бедарев весь побагровел, круто развернулся:

— Иди ты знаешь куда, — сплюнулся он со злостью.

Только действовал он теперь хитрее, глубже.

Больные у своего кабинета, — я его не видел.

Подошел он ко мне в цехе, когда вокруг никого не было.